

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.009

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЗООНИМА 'ВЕРБЛЮД' В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.Б. Бесолова
А. Годрати

В статье предпринимается попытка на основе лингвистического, фольклорного, археологического и этнографического материала выявить причины сакрализации верблюда, проанализировать семантику ритуальности, обрядовые различия и близость семантического ряда верблюды – курица-птица (страус) в мифо-ритуальной практике осетин, иранцев по языку, и персоязычных (иранцев). Обосновывается сущность обожествления животных и его проявление в повседневности у осетин и иранцев, выявляются изменения, сыгравшие определенную роль в их мифологии, обрядах и обычаях, описание которых актуально как в аспекте сохранения религиозных пережитков в их культурах, так и обнаружения общего и особенного. Осмысляется культ животных, развившийся из представлений о душах, предшествовавших образу человека-божества; выявляются истоки культа. Отмечается, что первооснова религиозных представлений осетин – наследие древних форм религии скифо-сармато-аланского мира; первобытные верования иранцев прошли путь от тотемизма к космогонии. Описываются факторы, способствовавшие сохранению у осетин рудиментов мистических взглядов на верблюда лишь в фольклоре и его малых жанрах. Осмысляется, почему при наличии столь скудного материала не представляется возможным его подробный анализ, и это в то время, когда в религиозных верованиях индоиранцев зооним 'верблюды' еще долго сохраняет сакральный, магический и защитный образ животного. Актуализация этнокультурной информации вызвана необходимостью описать схождения и различия в их нравственных, этико-эстетических ценностях и предпочтениях. Особое внимание уделяется тому, что пережитки зоолатрии у народов Северного Кавказа, Средней и Передней Азии отражают элементы культа животных как в индивидуализированной форме, так и в ее отсутствии. Дается оценка тому первоначальному пласту религиозных верований, на котором, по всей видимости, сложились религия и мировоззрение древнеиранцев, восходящие к домусульманским культам. Об этом красноречиво свидетельствует приведенный фактический материал.

Ключевые слова: иранские языки, паремия, зоологический код, зооним 'верблюды бактриан', мировоззрение древнеиранцев, домусульманский культ.

Для цитирования: Бесолова Е.Б., Годрати А. Об этнокультурной специфике зоонима верблюды в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 47(86). С. 59-75. DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.009

Написание настоящей статьи было вызвано утверждением соавтора, иранского ученого-языковеда, что именно в лексеме 'верблюды' наиболее ярко проявляются особенности верований, архаической ментальности, национального характера как осетин, иранцев по языку, так и персоязычных (иранцев).

Лексика, как известно, тот языковой уровень, который наиболее определенно и непосредственно отражает «модель мира» каждой конкретной культуры. В эту «модель мира» вписываются как «символическая парадигма», воссоздающая микрокосм и макрокосм, так и пережиточные верования, вызванные представлением людей о разнотипных сверхъестественных свойствах животных, птиц, рыб, насекомых, ассоциирующихся с разнообразными аспектами почитания животных. О причинах их сакрализации обоснованно высказался С.А. Токарев: «Многие ученые – в особенности не этнографы – склонны видеть во всех таких фактах пережитки тотемизма либо даже подлинный тотемизм. Но верен ли этот взгляд? Конечно, нет. Суеверный страх перед животным, зоолатрия, табуация некоторых видов животных и т.п. могут иметь самые разные корни» [1, 76]. И это понятно. Мир, постигаемый различным образом в разных языках, лежит в основе соотношений языка и культуры, языка и индивида, языка и этноса. Это обосновывает утверждение: каждой лингвокультурной общности свойственны самобытные, своеобразные реалии культуры, быта, природной среды. Рассматриваемый

вопрос связан с народными представлениями о животных, нашедших отражение в лексике и фразеологии осетинского и персидского языков, в верованиях и фольклоре, обрядах и искусстве.

Именно зоологический код языка культуры наиболее важен, по мнению исследователей, потому что предполагает познание инокультуры в ее предметной деятельности и ментальной форме. Использование названий животных в языке для передачи физических свойств и особенностей характера человека отличается определяющей национально-образной специфичностью даже в языках одной группы. Образы животных наблюдаются в сказках, песенном фольклоре, загадках, пословицах и поговорках, ономастике и др. – для передачи взаимоотношений людей, языковой номинации, характеристики и кодирования различных предметов, явлений и др. [2, 4–5]

Статья ставит целью выявить причины сакрализации *верблюда*, описать семантику ритуальности, обрядовые различия и близость семантического ряда *верблюды* – *курица-птица* (*страус*) в мифо-ритуальной практике осетин и персоязычных народов.

С учетом того, что языки – осетинский и персидский – относятся к иранской группе языков нового периода, были поставлены задачи: выявить у их носителей, имевших некогда возможность соприкасаться в истории и культуре, особенности ассоциативно-образного мышления в лексике, фразеологии, паремиологии; обнаружить в народной зоологии обеих культур

схождения и различия в мифологической семантике 'верблюда'; описать этнокультурную специфику зоонима 'верблюд', его роль и оценочный потенциал в системе обоих языков.

Работа выполнена на основе сопоставительного и описательного методов, а также функционально-семантического подхода. Национальный менталитет, специфика национального характера и национального сознания требуют их изучения сквозь призму языка, в котором зооморфный код культуры отложился удивительно самобытно.

Рассматриваемая проблема обусловлена древними контактами скифо-сармато-аланских племен с существовавшими этническими образованиями; природой языка и его истории; взаимоотношением языка и мышления, а также национальными особенностями ментальности, мировосприятия, мировоззрения и др. Проиллюстрируем.

Лексика осетинского языка разнородна по составу, о чем свидетельствует «Историко-этимологический словарь осетинского языка» В.И. Абаева, в котором заимствования из тюркских языков, по оценке Э.Р. Тенишева, занимают одно из первых мест: «...им отведено 24 страницы – большая часть лексем из соседнего с Осетией языка балкарцев и карачаевцев. Вместе с ними называются южные и северные тюркские языки, языки Сибири, древне- и среднетюркские языки» [3, 81–83].

Во множестве тюркских заимствований, по мнению В.И. Абаева, нашли отражение специфические, старые

и долгие алано-тюркские контакты. Иллюстрацией может служить анализируемая лексема 'верблюд': ирон., диг. *теуа*, усвоенная из тюркского; ср.: **тюрк.** (караим.) *teva*, (чагат., уйгур., восточнотюрк.) *tävä*, (чув.) *teve*, (анат.) *deve*. Ученый пишет, что древнеиранское название верблюда *uštra* не сохранилось в осетинском языке, хотя «в других иранских языках хранятся рефлексы древнеиранского названия – *uštra*-» [4, 290]. Установить, из какого конкретно тюркского языка идет заимствование, не представляется возможным; в то же время известно, что еще в сарматское время археологические раскопки выявили в небольшом количестве кости верблюда среди памятников этой эпохи.

По мнению В.И. Абаева, архаичное тюркское наименование верблюда в осетинском языке является весомым аргументом в пользу того исторического факта, что иранский элемент присутствовал на юге России по меньшей мере с начала II тысячелетия до н. э.

Ученый считал, что, когда иранская общность в Юго-Восточной Европе распалась, часть составляющих ее племен двинулась на юг и на восток, в Мидию, Парфию, Персиду и Среднюю Азию. Предки будущих скифских племен остались в Европе и в течение ряда веков находились в условиях контактного развития с народами средне- и восточноевропейского ареала. Именно в этот период и определилось своеобразие скифской речи среди других иранских языков [5, 32, 35; 6, 13]. К тому же, тюркское наименование верблюда в осетинском языке является весомым свидетель-

ством давности ухода предков осетин с протородины. На наш взгляд, если двугорбый верблюд-бактриан был одомашнен более пяти тысяч лет назад, то получается, что предки осетин «ушли» раньше означенного времени. Таким образом, заимствованное название *теуа* ‘верблюд’ может быть отнесено к древнейшим миграционным терминам.

Древнеиранское название верблюда *uštra*- в результате расширения объема значения закрепляется в осетинском языке в общем названии домашнего скота: *стур / (æ)стор* “домашнее животное”, “скот, скотина”, “крупный рогатый скот” < иран. **staura*-, и.е. *(s) *teuro*-; сак. *stūra* ‘животное’, ав. *staora*- ‘крупный скот’, ‘бык’, ‘лошадь’, ‘осел’, ‘верблюд’ [4, 155-156]. Этот факт подтверждает и В.И. Абаев: вся скотоводческая терминология в осетинском языке иранского происхождения, «с печатью большой древности», компактна и цельна [5, 55-57].

Рудименты мистических взглядов на верблюда у иранцев-осетин сохранились в фольклоре (сказки «Верблюд и осел», «Как верблюд погиб из-за собственной глупости», «Сказка о верблюде» и др.) [7, 409–413], а также в его малых жанрах – загадках [8], пословицах, поговорках [9]. Проиллюстрируем.

Зооморфный код культуры, по мнению Ф.Н. Гукетловой, выявляющий систему символов, эталонов, стереотипов национальной культуры, находит отражение в языковом фонде языка и выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры [10, 108]. Ассоциативно-образ-

ное восприятие через этнокультурное своеобразие зоонимов, закрепленных в паремиологии, оценивает внешний и внутренний мир человека, способствуя проявлению народного менталитета, национально-специфических и универсальных черт.

К примеру, афористически, через образ верблюда, осетины выражают свое отношение к глупости, тупости: *Теуайау йе нæзондæй фесæфт*. – Подобно верблюду загубил себя по глупости; *Теуамæ карчы зонд ис*. – У верблюда мозги куриные / куриный ум; сочувственно высмеивают тех, кому постоянно не везет: *Æнамонд лæг теуайыл куы бада, уæддæр ын йæ къæхтæм куыйтæ лæбурыни*. – Несчастливого человека, если даже он сидит на верблюде, все равно собаки кусают за ноги; или отрицательные качества; напр., бесхозяйственность: *Æнæсарæныл теуайы рагъмæ дæр куыйтæ хæцыни*. – Головоотяпа и на спине верблюда собаки кусают; или кто живет неприкаянно: *Теуайау цæугæцард кæны*. – Подобно верблюду ведет кочевой образ жизни (здесь и ниже примеры из: [9, 56]).

Народные афоризмы предельно кратко и образно поучают: *Теуайæн йæ саргъ – йæхицæй*. – У верблюда седло из собственной шкуры (т.е. каждый должен довольствоваться тем, что имеет; не нужно ничего чужого – ибо нам неведомы мысли тех, кто нам дает или дарит что-то, мы не можем предугадать, к добру ли это или наоборот).

Нормы нравственности, «благопристойности и чистоты в отношениях между людьми» (В.И. Абаев), верность, преданность и надежность

всегда и во всем проповедают пословицы и поговорки. В мини-тексте – и национальный характер, и национальная ментальность, этические и эстетические устои, иносказательность и образность. Образная характеристика человека аллегорически передается посредством описания животных; ср. *Теуа уый бæри ма смæллаг уæд, æмæ бæхы уаргъ ма ахæсса.* – Нельзя, чтобы верблюд настолько отощал, что не смог бы ношу коня унести. Семантика пословицы: сколько бы дел ни легло на плечи надежного человека, он все равно будет способен избавить от хлопот и суетливости того, кто ленив и безответственен. С идентичной семантикой: *Теуайы уаргъ афтæ ма ныппырх уæд, æмæ дзы хæрæгуаргъ ма æрæмбырд уа.* – Пусть ноша верблюда не рассыплется настолько, чтобы невозможно было из этого собрать груз для осла. *Теуайæн йæ иу фарс хордæуыд, иннæ – нæ.* – У верблюда одна сторона поедалась, другая – нет (семантика: начатое дело необходимо доводить до конца и со всех сторон).

Выносливость и готовность подставить спину для любой ноши, в том числе и самой тяжелой, отражена в осетинской поговорке «*Теуа фосæй се'птæтæй дæр тыхджындæр у*» – «Верблюд сильнее остального скота»; при навьючивании верблюд опускается на колени, поэтому в сознании носителей языка он почитается как существо, символизирующее смирение, покорность, терпеливость: *Теуайæ уæрджытыл куы æрлаууа, уæд дæр цыфæнды куыдзæй дæр бæрзонд дæр уыдзæн.* – Если верблюд на колени станет, все равно будет выше любой

собаки. Верблюд послушен, покорен, поддается дрессировке; он хороший и верный помощник в хозяйстве, его используют при транспортировке грузов, и это находит отражение в малых жанрах фольклора. Большое могучее тело верблюда и в осетинском языке становится объектом сравнения: «*теуа фысты 'хсæн куыд уа, афтæ бæрæг дарын*» – «выделяться как верблюд меж овец», и это проявляется в оценке внешнего вида: горделивая царственность.

В осетинской загадке через сокрытие предмета речи дан метафорический образ: *Не 'схъæл теуа – сауæрхор.* – Наш высокомерный верблюд черноземом питается (Дерево) [8, 26]. В другой загадке через признаки умалчивания предмета иносказательно описывается верблюд: *Бæхау дары саргъ, Хæрæгау – дымæг, Фæлаæ сæ иу дæр нæу æмæ иннæ дæр.* – Как лошадь с седлом, как осел с хвостом, да не тот и не другой из них (Верблюд) [8, 47].

В словарях осетинского языка биологические виды верблюда представлены следующими образованиями: сочетанием числительного *иу* (*дыууæ*) со словом *гопп* 'лука седла': одногорбый – *иугоппон*, двухгорбый – *дыууæгоппон*; верблюжья шерсть ирон. *теуайы къуымбил/хъуын*; диг. *теуагъун* [11, 55-56].

Согласно словарям, и в русском языке, как и в украинском, польском и чешском, название верблюда – древнейшее заимствование из готского языка. Причем факт наличия наименования в ряде славянских языков свидетельствует о его появлении, по всей видимости, еще в доисториче-

скую эпоху. Заимствование претерпевает в славянских языках определенные фонетические изменения, восходит к понятию 'слон', что сближает с группой 'велий, великий'. Известно, что народная этимология выводила наименование верблюда из древнерусского словосочетания *вельми блудящий* 'много ходящий' [12, 293], и это подтверждает, что о верблюде имели представление с древнейшего времени. Заметим, что и Э.А. Новгородова пишет о том, что еще в петроглифах каменного века в нише пещеры на горе Гантик (Мраморная) было найдено изображение дикого верблюда с двумя высокими горбами, маленьким хвостом и головой, повернутой анфас, стоящего на холме (или горе). Изображение было выполнено коричневой охрой одним широким мазком (5 мм) [13, 34].

Ученые считают, что в отличие от одногорбого, одомашненного в Южной части Саудовской Аравии, двугорбый верблюдо-бактриан (*Camelus bactrianus*), или восточный верблюдо (Bactrian camel), был одомашнен кочевниками Средней Азии, Монголии и северной части Китая для перевозки груза и тяжелой работы. Со временем, с развитием цивилизации и появлением поселений, двугорбых верблюдов стали использовать для пахоты и походов, использовать их шерсть, мясо и кожу [14, 419-422].

Что же касается Ирана, то появление одногорбого верблюда объясняется иранскими завоеваниями в Месопотамии, Палестине и Египте. В то же время никак не могут уточнить явление двугорбого верблюда в стра-

не, хотя первое упоминание о верблюде вообще имеется уже в священной книге зороастрийцев. В Авесте, по мнению части историков, речь идет о двугорбом верблюде, причем основанием для данной гипотезы служат надписи, резные рисунки на стенах Персеполя между V и VII вв. до н.э. Можно допустить появление двугорбых верблюдов в Иране как поколение тех транспортных, которые использовались по причине сурового климата в холодных и засушливых районах Монголии, предгорьях Гималаев и др.: у них были сильные копыта для ходьбы по каменистой местности, а шерсть и пух защищали тело от холода, ветра и бурь.

В литературе много сведений о значимости этих исполинов Центральной Азии в жизни древнего человека (могучее тягловое и вьючное животное; пища в виде молока и мяса, ткани из шерсти и кожа для изделий), и это отразилось в мифопоэтическом творчестве и искусстве кочевых и полукочевых народов.

Вызывает интерес тотемическая и магическая семантика ранних изображений верблюда-бактриана.

По данным археологии, верблюдо являлся объектом культа минимум с эпохи бронзы. По мнению Бэллы Ильичны Вайнберг, в раннем железном веке двугорбый верблюдо был тотемом некоей группы ираноязычных кочевых племен, живших на территории степей Казахстана, прилегающих районов Средней Азии и, возможно, Южной Сибири; эти области и стали центром сложения культа бактриана [15, 25]. Со временем к ним прибавляется его об-

раз в древней нумизматике, а «разнообразии тамг на монетах с короной в виде верблюда показывает <...> связь культового образа верблюда с царской властью» [16, 121]. Добавим, что в ритуале вызывания дождя – в тексте магического заклинания, читавшегося жрецом-шаманом над табличками из вырезанных из сандала фигур животных, борющихся друг с другом – верблюда с верблюдом, быка с быком нашел отражение культ Тиштрии [17, 105]. Семантика композиции: и бык, и верблюд в мифологии древних ираноязычных тесно связаны с культом воды. Е.Е. Кузьмина приводит китайскую легенду о том, что на родине двугорбых верблюдов, отождествляемой то с Ферганой, то с Бактрией, на горе стояла каменная статуя животного, и по ней струилась вода. Этот факт позволяет предположить, что в магических обрядах вызывания дождя использовались изображения животных, связанных с водной стихией [18, 106].

И еще. На раннесредневековых бронзовых монетах Бухарского оазиса бактриан на аверсе сочетается с алтарем огня сасанидского типа на реверсе; изображения двугорбого верблюда использовались и в качестве печатей. Особенно интересны ножки трона в виде *крылатых* верблюдов, а также трон в виде лежащего верблюда, на котором, по устоявшемуся мнению, восседает Вртрагна, <...> в Авесте один из его обликов – зрелый муж с золотым мечом. Крылатые верблюды встречаются и в росписях Красного (Индийского) зала Варахши [16, 122].

Заслуживает внимания и предположение, что «образ крылатого верблюда

согдийцы выработали в подражание сасанидскому сенмурву. В иранской мифологии упоминается и такое чудовище, как *ushtrmurgh* – ‘верблюд-птица’; его образ встречается в произведениях сасанидского изобразительного искусства и торевтики [19, 7, 8]. Есть еще языки, в которых встречаются подобные гибридные названия, построенные на сравнении с верблюдом; эти образования вторичные, поздние; например, название жирафа: в армянском *éndzught* ‘пантеро-верблюд’; фарси *šotorgav* ‘верблюдо-бык’ [20].

В персидском языке лексема *شتر مرغ* – ‘страус’ – сложное слово, образованное от слов *верблюд* и *курица*. Происхождение символа связано с иранской притчей: «Когда люди велели страусу прыгнуть, тот ответил, что он – верблюд; тогда ему приказали нести груз, но верблюд заявил, что он – курица». Семантика притчи: безответственные люди, не прикладывая усилий, хотят все иметь; служит также оправданием неспособности и неудачи. О равнодушных и безответственных людях также говорят, что те находятся между курицей и верблюдом.

Заметим, что сравнение страуса с верблюдом наблюдается во многих языках; эти сложные слова свидетельствуют о том, что «носители соответствующих языков ознакомились с африканским страусом позже знакомства с верблюдом, т.е. не обитали в ареале распространения страусов» [20].

Зооморфный образ ‘верблюд-курица’ возник потому, что при опасности страус имеет привычку ложиться на землю, вытянув шею, и наблюдать за окружающими.

Иранская поговорка *تخم مرغ دزد* *شتر مرغ دزد می شود* («Яйцо вора становится страусом вора») имеет два значения: а) если не предотвратить мелкие кражи, это приведет к кражам более крупным; б) если кто-то осмеливается сделать небольшую ошибку, то он легко, шаг за шагом, способен совершить более значительную. Данный зооморфный образ не имеет эквивалента в лингвокультуре осетин.

В ранних изображениях верблюда-бактриана «прочитывается» как тотемическая, так и магическая семантика. К примеру, при реконструкции изображения божественной четы на троне с протомами верблюда и барана выяснилось, что это согдийские божества: солнца – Хвар и луны – Мах, а баран и верблюд здесь – символы этих светил [16, 123].

Исследователи отмечают, что верблюд как священное животное является носителем *фарна*, покровителем рода и символа царской власти, а согласно Авесте, еще и одним из воплощений божества войны Вретрагны, которому посвящен специальный Яшт (XIV, 11–13); в этом образе божество-животное рисуется Авестой еще и как источник *плодоносящей* силы:

И в четвертый раз предстал ему
Ахурой данный Вертрагна (Веретрагна)
В образе верблюда, полного вождения,
Яростного, на самку бросающегося,
Сильного, ногами брыкающегося,
Косматой шерстью людей одевающего,
Который из оплодотворяющих самцов
Наибольшей силой обладает,
Наибольшей мощью [21, 318].

Животное в гимне Авесты обласкано эпитетами: *великолепный*,

огромный, неистовый, стремительный, мощный, страстный. У него ум, крепкие ноги; глаза, большие и сверкающие, словно звезды; косматая шерсть, пригодная для одежд. Верблюд символизирует богатство, мощь, неукротимую силу и цепкую память [22, 94, 96–97].

А. Акишев пишет, что в ритуалах, связанных с космогоническими мифами, соотнесенными с магией плодородия, использовались бронзовые курительницы из Эрмитажа с фигурками двух верблюдов, помещенных в центре чаши, на «мировой оси», причем форма и декор курительниц – сакральны. Примечателен предложенный им же семантический анализ: «Их четыре горба, из которых поднимались четыре струйки дыма, символизировали четыре стороны света – запад, восток, север, юг. И сами верблюды здесь приобретают космическое значение; они занимают центральное место, «верх» Мировой горы, т.е. являются хранителями мира. Курительница осмысливалась как модель центра Вселенной, где сходятся небо и земля, обитель богов и мир людей» [23, 69–76].

Исследователи приводят ряд иранских имен с корнем *uštra*, имеющих, по их мнению, магическое значение: являлись защитой от сглаза и служили привлечению удачи – *фарна*. Наиболее известный обладатель такого имени – пророк Заратуштра, чье имя исследователи переводят как «Староверблюдый», «Обладающий старым (золотым) верблюдом» [22, 3, 10; 16]. Следы почитания верблюда-бактриана прослеживаются и в топонимике Средней Азии; ср.: «город Золотого

верблюда» (*Навекат*), «Город верблюда» (*Уштуркет*).

Пожалуй, стоит привести любопытную информацию из литературы. Известно, что патрон верблюдов Хорезма – святой Султан Ваис (Султан-бобо); термин *ар аллар* (или *аранглар*), под которым понимаются и святые, и ангелы, а в архаических верованиях еще и духи, пребывающие в реках и каналах и управляющие течениями, применяют к сакрально чистому животному, верблюду. «Верблюда, как и быка, нельзя ничем бить, даже рукой; нельзя его ругать; шерсть верблюда нельзя повсюду разбрасывать: она особая, обладает способностью отгонять аджина. С ним, как и с быком, связаны многочисленные легенды о святых, завещавших после своей смерти хоронить их в том месте, где остановится животное, перевозящее их тело» [21, 317]. Верблюд, по мнению людей, оберегает от духов и дурного глаза. Из его шерсти от хвоста, длинных ключев шерсти, свисающих у передних ног, изготавливали амулеты, причем детский амулет из верблюжьей шерсти заплетали в три или пять косичек, потом вместе с раковиной каури прикрепляли к спинкам халатика ребенка [21, 318]. Магическое значение приписывали и орнаменту *туя кўз* (верблюжий глаз), и прохождению в прошлом беременных женщин с ритуальной целью перед животным, а когда у них запаздывали роды, то подлезали под верблюда. Существовало поверье, что в теле верблюда – жила дьявола.

Представляет интерес рассмотрение символики верблюда в других лингвокультурах. К примеру, в араб-

ских мифах верблюд – бог битвы и кровопролития; он – корабль пустыни; незаменимый помощник в хозяйстве; символ красоты. В языке арабов слова ‘верблюд’ и ‘красота’ – однокоренные, а в пословицах могучее животное олицетворяет выносливость, крепкое здоровье, силу [24, 144]. В турецкой лингвокультуре образ верблюда идентичен образу осла: символ глупости, упрямства и наивности [25, 213].

В иранской лингвокультуре, по мнению Биты Месбах и Сары Шадрох, чрезвычайную важность представляет выявление мифологической значимости верблюда в сасанидский период, потому что след его не ограничивался зороастрийской религией. Образ верблюда занимал видное место в митраизме [26]. Речь идет о «12 стадиях поведения ‘пути сулука’ в сторону Бога», состоящих из четырех первоначальных веществ – огня, земли, воздуха и воды. Три стадии воздуха – составляли *ворона, стервятник* и *страус*; три позиции земли состояли из *воинов, верблюдов* и *быков*; три положения огня олицетворяли *горный козел, конь* и *солнце*; три стадии воды, состояли из *отца, орла* и *отца отцов* [27].

В Авесте под словом *شتر* ‘*shotor*’ понимаются такие крупные животные, как лошадь, осел, верблюд, корова и др., их иранцы уважают за эффективность, силу и ум; часть из них священна. Номинативы этих животных использовались для образования имен людей. Так образовался ономастикон зороастрийских святых; например, Пиорош-Аспех *پُوروش-اسپه* – имя отца Заратустры, означает *владелец старой лошади*; Аюрвадаспех – *اُورُودَسپه* дер-

жатель быстрой лошади, имя третьего предка Заратустры.

В Авесте имя *Заратустры* пишется *Заратоштра Сепи Тамех* زرتوشتره سپی تامه. *Тамех Сепи* تامه سپی это прозвище *Заратустры*, а также имя его десятого предка. Существуют разные мнения о происхождении имени «*Заратустра*», причем ученые различно толкуют семантику составляющих его частей, но единственное, в чем они сходятся, – вторая часть *Уштра* ‘Uštra’ означает ‘верблюд’. Лингвисты придерживаются трех этимологий имени *Заратустры*; одни считают, что *Зарат* означает «старый», а все слово – ‘владелец старых верблюдов’; другие определяют его как ‘движитель верблюдов’, т.е. погонщик или заводчик верблюдов; третьи толкуют имя *Заратустра* как ‘владелец разгневанных / встревоженных верблюдов’. Заметим, что некоторые ученые в имени *Зарат/устра* выделяют часть *Zarat* в значении «желтый / золотой цвет», тогда имя понимается как ‘держатель желтого верблюда’, что же касается понятия «старый» в имени *Зороастр*, то оно имеет положительный оттенок. Семантика словосочетания – указание на надежный авторитет и уважение к старшим в семье *Заратустры* [26, 38].

В иранской лингвокультуре в поговорах и поговорках дана объективная действительность, окружающий человека мир «в непосредственной эмпирии» [28, 28]. Еще Н.Д. Арутюнова писала, что в паремических высказываниях человек отобразил «свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и интеллект, свое отношение к предметному и не-

предметному миру, природе – зеленой и космической, свои действия, свое отношение к коллективу и другому человеку» [29, 3]. Проиллюстрируем данное положение. К примеру, с помощью «символического кода мироздания» (В.Н. Топоров) посмотрим, как образ верблюда репрезентируется в лингвокультуре иранцев:

1) он – символ верующих и мистик. Иллюстрацией может служить история дружбы верблюда с мулом; в сравнении мышления верующего и мистика с верблюдом. Мистик смотрит на мир с неба, а не с земли, а верующий имеет зоркие внутренние глаза, которые видят их до того, как они упадут в колодцы природы:

ای شتر که تو مثال مومنی کم قتی در رو و کم
بینی زنی
Ты, верблюд, похож на верующего –
Меньше падаешь и меньше видишь
женщин!

2) в сравнении с ним влюбленный:
شترست مرد عاشق، سر این مناره عشق است
که مناره هاست فانی و ابدی است این منارم
Влюбленный мужчина подобен верблюду
на этом минарете,
Минареты исчезают, а этот минарет вечен!

3) символ пророческий и человеческого разума:
اشتر آمد این وجود خارخوار مصطفی زادی بر
این اشتر سوار

4) символ путеводителя к Богу:
شتر به مدعیان ارشاد تشبیه شده است. مولانا در
حکایتی دو بیتی در دفتر پنجم، تصویری از نااهلی
آن یکی پرسید اشتر را که هی از کجا می آیی
ای اقبال پی
گفت از حمام گرک کوی تو گفت خود پیدا است
از زانوی تو

Тот спросил верблюда: “Счастливый, откуда ты идешь?”

Ответил он: “Из ванной твоего переулка”...
И тот заметил: “Что и видно по твоим коленям!”

5) символ мудрости:

Румилан узрел мудрость в образе верблюда. Он считал, что верующие познают мудрость везде, где они ее находят, примерно так, как хозяин потерявшегося верблюда узнает его, где бы ни было, где он его увидит:

اشتری گم کردی و جستیش چیست چون بیابی
چون ندانی کان توست؟

Ты потерял своего верблюда и ищешь его!
Увидев его, сразу узнаешь, что это он!
[30, 249-250]

Зооморфный код культуры, как видим, оживотворяет в сознании человека присущие ему же черты и качества характера, свойства его натуры. Человек и верблюд, как известно, вместе в течение долгого времени. Дружба, близость между ними свелась к тому, что счетная единица на фарси у обоих живых существ одинакова – *nafar* [31, 222].

В национально-специфическом видении мира животные присутствуют как носители свойств и определенных качеств человека, лежащих в основе сравнительно-метафорического переноса значений. Для этих мини-текстов характерен небольшой объем, идейно-смысловая значимость, образность, лапидарность, прямой и переносный смысл, причем переосмысление основано на сходстве или подобии признаков. Проиллюстрируем.

В приведенных ниже пословицах и поговорках основой для сравнения

является крупное и могучее тело верблюда:

1) Пословица شتر سواری دولا دولا نمی شود «Катание на верблюде невозможно в согбенном виде». Так говорят, когда люди намерены сделать большую работу, над которой долго и упорно надо трудиться, но предпочитают делать ее тайно, вдали от чужих глаз. Но это невозможно. Крупное – и дело, и тело – скрыть не удастся!

2) Поговорка شتر را با ملاقه آب می دهد. «Он поливает верблюда из ковша» свидетельствует о несравнимости живого существа с указанным по величине предметом. Но, заметим, крупное тело верблюда служит для иранцев и метафорой лицемерия, внешней уродливости, оскорбления: описывает неискреннюю ситуацию общения; является оскорблением человека, получившего данную характеристику, что может привести к сильнейшей обиде.

3) Поговорка شتر با بارش گم می شود «И верблюд, и его груз теряются!» имеет следующую семантику: настолько многолюдно и грязно везде, что невозможно найти даже такое большое животное, как верблюд; безобразия и хаос в каком-нибудь месте.

4) Верблюд – символ неадекватности из-за уродливого тела; символ несоответствия и несовместимости, а использование обращения в пословицах усиливает эффект слов: به شتر گفتند: «گردنت کج است، گفت: کجایم راست است؟» «Верблюду заметили: “У тебя кривая шея”. В ответ тот спросил: “Где у меня прямая?”» [32, 130]. Так говорят о человеке, чьи действия и поведение необычны.

5) Идиома کینه ی شتری «верблюжья обида» в значении “сильное чувство

скрытой вражды». Верблюд может стать символом вечной злобы и ненависти. Говорят, что, если верблюд на кого-то злится, он никогда этого не забывает, мало того, не успокоится, пока не причинит вреда тому, на кого злится. Персидское слово *کینه* имеет несколько значений: «обида»; «чувство мести»; «таинственное, скрытое выражение гнева и ненависти, которое продолжается, как правило, долгое время / злоба по отношению к кому-либо». «Верблюжья обида» выражает степень обиды с чувством мести; затаенное чувство враждебности, которое может трансформироваться в месть; вражда, скрытая в сердце от чьего-то проступка или речи (*ارجاع به دهخدا*).

6) В некоторых пословицах верблюд символизирует великих людей, богатство, а также старейших людей, совместное проживание с которыми может заставить человека страдать [32, 129]. Например, пословица *دمش را به دم شتر بسته* «Он привязал хвост свой к хвосту верблюда».

7) Поговорка *تر را چه به علاقمندی؟* «Какие интересы найдешь у верблюда?!» [32, 130] означает, что нельзя ожидать от него выполнения тонких художественных работ.

8) Во многих пословицах верблюд – предмет символизации различных образов; действительная роль этого животного в жизни, сознании и языке иранцев. Например, пословица *چشم شور، شتر را به دیگ می کند و آدم را به گور*. «Ревнивый глаз отправляет верблюда в котел, а человека – в могилу» [32, 130].

Итак, в результате проведенных изысканий, основанных на сопоставлении осетинского и персидского языков, относящихся к иранской группе

языков нового периода, выявлено, что особенности ассоциативно-образного мышления в лексике, фразеологии, паремиологии свойственны той языковой общности, к которой принадлежит носитель языка. Что касается совпадений в мифологической семантике ‘верблюда’, то наблюдается некоторая амбивалентность, основанная на общности первопричин; различия же обусловлены тем, что в осетинском языке о верблюде-бактриане сохранились совсем скудные сведения, о чем свидетельствует также его название, заимствованное из тюркского языка. Объясняется это тем, что, как пишет В.И. Абаев, «для осетин-иранцев была привычной флора и фауна северных и средних, а не южных широт. Если бы осетины пришли на Северный Кавказ через Персию и Закавказье, мы бы имели у них совершенно иную картину ботанической и зоологической терминологии» [5, 32]. Лишь в мини-текстах осетинских паремий и фразеологии нашли отражение внешние и внутренние черты верблюда – надменность, высокомерие, своенравность, медлительность движений, терпеливость, выносливость, трудолюбие, – составившие семантические поля ‘черты характера человека’, ‘внешний облик человека’, ‘физические возможности человека’.

Базовый образ ‘верблюд’ всем своим содержанием передает специфику мировосприятия и мироощущения носителей персидского языка, вызывая своеобразные ассоциации, не характерные для носителей осетинского языка, что подтверждает полисемантическую природу образа ‘верблюд’ и специфическое видение мира в персидской лингвокультуре.

1. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М. Наука, 1964. 400 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции (Опыт этнолингвистического исследования): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.
3. Тенишев Э.Р. Слово об «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» // Василию Ивановичу Абаеву 110 лет: Сб. материалов, посвященных творчеству В.И. Абаева. Цхинвал: Дом печати, 2011. С. 81–83.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. III. 358 с.
5. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. I. 601 с.
6. Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. 707 с.
7. Памятники устного народного творчества осетин. Сказки о животных / Сост. и коммент. Т.А. Хамицаевой. Владикавказ: Алания, 1998. 529 с.
8. Осетинские народные загадки / Сост. Дз. Тменова. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. 208 с.
9. Ирон æмбисæндтæ / Сост. К.Ц. Гутиев. Орджоникидзе, 1976. 352 с. (на осет. яз.).
10. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков). М.: ТЕЗАУРУС, 2009. 228 с.
11. Осетинско-русский словарь / Сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Т. 4. 749 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 577 с.
13. Новгородова Э.А. Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1981. С. 33–41.
14. Брэм А.Э. Жизнь животных. М.: Терра, 1992. Т. I. 540 с.
15. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 220 с.
16. Гюль Т.И. Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии (культуро-религиозный аспект) // Народы и религии Евразии. 2020. № 1(22). С. 117–129.
17. Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // КСИА. 1978. Вып. 154. Ранние кочевники. С. 103–108.
18. Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // Советская этнография. 1963. № 2. С. 43–44.
19. Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж, 1937. 74 с.

20. Тележко Г.М. К этимологии названий некоторых представителей африканской фауны // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2017. № 9(43). С. 12-21.

21. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 338 с.

22. Авеста. Избранные гимны / Пер., комм. И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. 174 с.

23. Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // *Этнография народов Сибири*. Новосибирск: Наука, 1984. С. 69–76.

24. Измайлова Д.А. Функционирование пословиц и поговорок с компонентом «зоонимом» в арабском и русском языках // *Минбар. Исламские исследования*. 2013. Т. 6. № 1. С. 143–149.

25. Бичер, О. Образы домашних животных в русской фразеологии (на фоне турецкого языка) // *Вестник Брянского госуниверситета*. 2015. № 3. С. 212–215.

26. Mesbah, B. Shadrokh, S. The Symbolism of Camel Motif in Sasanian Engraving Art (Case study of 55 masterpiece) // *Honar-ha-ye-Ziba. Honar-ha-ye Tajassomi*. 2022. Vol. 26. Iss. 4 (February). Pp. 35-45. (на перс. яз.)

27. Razi, H. *Ancient Iran Encyclopaedia. Avestan era until the end of Sassanid era. Five-volume collection*. Tehran, Sokhan, 2003. (на перс. яз.)

28. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // *Известия РАН. Серия лит. и языка*. 1999. Т. 58. № 4. С. 28–38.

29. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

30. Houshang, M., Ghobadi H., Fooladvand, H. A Comparative Review of the Allegorical Roles of Lion, Camel and Child in the Thoughts and Works of Rumi and Nietzsche // *Comparative Literature Research Journal*. 2014. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 243-270. (на перс. яз.)

31. Ameri, J., Tabatabai, S.H. Vocabulary and terms of camel husbandry in “Troud” linguistic variety // *Popular culture and literature*. October and November 2016. Rank B (Ministry of Science). No. 16. Pp. 217-242. (на перс. яз.)

32. Hajian Nejad, A., Behzadian, S.M. An Analysis of the Function of Animal Symbols in Persian Proverbs Based on Bahmanyari Story Book // *Culture and Folk Literature*. 2020. Vol. 8. Iss. 31. Pp. 122-156. (на перс. яз.)

Besolova, Elena B. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); elenabesolova@mail.ru

Ghodrati, Asghar – Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran); asghar_ghodrati@atu.ac.ir

ABOUT THE ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF THE ZONYM “CAMELUD” IN OSSETIAN AND PERSIAN

Keywords: Iranian languages, proverbs, zoological code, zoonym 'Bactrian camel', worldview of ancient Iranians, pre-Muslim cult.

The essence of the deification of animals and its manifestation in everyday life among Ossetians and Iranians is substantiated, the changes that have played a certain role in their mythology, rituals and customs are revealed, the description of which is relevant both in terms of preserving religious remnants in their cultures, and discovering the common and special. The cult of animals, which developed from ideas about souls that preceded the image of a human deity, is comprehended; the causes of the cult are revealed. The article attempts to identify the reasons for the sacralization of the camel, to analyze the semantics of rituality, ritual differences and the similarity of the semantic series camel - chicken-bird (ostrich) in the mytho-ritual practice of the Iranians. It is noted that the fundamental basis of the religious ideas of the Ossetians is the heritage of the ancient forms of the religion of the Scythian-Sarmatian-Alanian world; the primitive beliefs of the Iranians went from totemism to cosmogony. The factors that contributed to the preservation of the rudiments of mystical views of the camel among the Ossetians only in folklore and its small genres are described. It is comprehended why, in the presence of such scarce material, its detailed analysis is not possible, and this at a time when in the religious beliefs of the Indo-Iranians, the zoonym 'camel' retains the sacred, magical and protective image of the animal for a long time. The actualization of ethnocultural information is caused by the need to describe the similarities and differences in their moral, ethical and aesthetic values and preferences. Particular attention is paid to the fact that the survivals of zoolatry among the peoples of the North Caucasus, Central and Western Asia reflect elements of the cult of animals both in an individualized form and in its absence. An assessment is given of the original layer of religious beliefs, on which, apparently, the religion and worldview of the ancient Iranians, dating back to pre-Muslim cults, were formed. The factual material - linguistic, folklore, archaeological, and ethnographic, eloquently evidences this.

For citation: Besolova, E.B., Ghodrati, A. About the ethnocultural specificity of the zoonym camel in Ossetian and Persian // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 47(86). Pp. 59-75. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.009

References

1. Tokarev, S.A. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early forms of religion and their development]. Moscow, 1964.
2. Gura, A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii (Opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya)* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition (Experience of ethnolinguistic research)]. Thesis abstract of the doctoral dissertation (in Philology). Moscow, 1998.
3. Tenishev, E.R. *Slovo ob "Istoriko-etimologicheskom slovare osetinskogo yazyka"* [A word about the "Historical and etymological dictionary of the Ossetian language"]. *Vasiliyu Ivanovichu Abaevu 110 let* [Vasilii Ivanovich Abaev is 110 years old]. Tskhinval, Dom Pechati, 2011, pp. 81–83.
4. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka, 1979, vol. III.
5. Abaev, V. I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. I.
6. Miller, Vs. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, North-Ossetian Institute for Humanities, 1992. 707 p.

7. Khamitsaeva, T.A. (comp.). *Pamyatniki ustnogo narodnogo tvorchestva osetin. Skazki o zivotnykh* [Oral folk art monuments of Ossetians. Tales of animals]. Vladikavkaz, Alaniya, 1998. 529 p.

8. Tmenova, Dz. (comp.). *Osetinskie narodnye zagadki* [Ossetian folk riddles]. Vladikavkaz, North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2000. 208 p.

9. Gutiev, K.Ts. (comp.). *Iron æmbisændtæ* [Ossetian sayings and proverbs]. Ordzhonikidze, 1976, 352 p. (in Ossetian).

10. Guketlova, F.N. *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovoi kartine mira (na materiale kabardino-cherkesskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [The zoomorphic code of culture in the language picture of the world (based on the Kabardino-Circassian, Russian and French languages)]. Moscow, TEZAURUS, 2009. 228 p.

11. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (comps.). *Osetinsko-russkii slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2019, vol. 4. 749 p.

12. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress, 1986, vol. I. 577 p.

13. Novgorodova, E.A. *Periodizatsiya petroglifov Mongolii* [Periodization of Mongolian petroglyphs]. *Srednyaya Aziya i ee sosedi v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura). Pod red. B.A. Litvinskogo* [Central Asia and its neighbors in antiquity and the Middle Ages (history and culture). Ed. by B.A. Litvinsky]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 33–41.

14. Brem, A.E. *Zhizn' zivotnykh* [Life of animals]. Moscow, Terra, 1992, vol. I. 540 p.

15. Weinberg, B.I. *Monety drevnego Khorezma* [Coins of ancient Khorezm]. Moscow, Nauka, 1977. 220 p.

16. Gyul, T.I. *Obraz verblyuda v doislamskom iskusstve Srednei Azii (kul'tovo-religioznyy aspekt)* [The image of a camel in pre-islamic art of Transoxiana: cultural and religious aspect]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2020, no. 1(22), pp. 117–129.

17. Kuzmina, E.E. *Syuzhet protivoborstva dvukh zivotnykh v iskusstve aziatskikh stepei* [The plot of the confrontation between two animals in the Asian steppes art]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. Rannie kochevniki* [Brief Communications of the Institute of Archaeology. Early nomads]. Moscow, Nauka, 1978, iss. 154, pp. 103–108.

18. Kuzmina, E.E. *Drevneishaya figurka verblyuda iz Orenburgskoi oblasti i problema domestikatsii baktrianov* [The oldest figurine of a camel from the Orenburg region and the problem of Bactrian domestication]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1963, no. 2, pp. 38–46.

19. Trever, K.V. *Senmurv-Paskudzh, sobaka-ptitsa* [Senmurv-Paskudj, the dog-bird]. Leningrad, The State Hermitage, 1937. 74 p.

20. Telezhko, G.M. *K etimologii nazvanii nekotorykh predstavitelei afrikanskoj fauny* [On the names etymology of some representatives of the African fauna]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art History]. 2017, no. 9(43), pp. 12–21.

21. Snesev, G.P. *Relikty domusul'manskikh verovanii i obryadov u uzbekov Khorezma* [Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm]. Moscow, Nauka, 1969. 338 p.
22. *Avesta. Izbrannyye gimny* [Avesta. Selected hymns]. Translation, comments by I.M. Steblin-Kamensky. Dushanbe, Adib, 1990. 174 p.
23. Akishev, A.K. *Obraz verblyuda v legendakh Tsentral'noi Azii* [The Image of a Camel in the Legends of Central Asia]. *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1984, pp. 69–76.
24. Izmailova, D.A. *Funktsionirovanie poslovits i pogovorok s komponentom "zoonimom" v arabskom i russkom yazykakh* [Functioning of proverbs and sayings with the "zoonym" component in Arabic and Russian]. *Minbar. Islamskie issledovaniya* [Minbar. Islamic Studies]. 2013, vol. 6, no. 1, pp. 143–149.
25. Bicher, O. *Obrazy domashnikh zhivotnykh v russkoi frazeologii (na fone turetskogo yazyka)* [Images of pets in Russian phraseology (in the context of Turkish)]. *Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta* [The Bryansk State University Herald]. 2015, no. 3, pp. 212–215.
26. Mesbah, B. Shadrokh, S. The Symbolism of Camel Motif in Sasanian Engraving Art (Case study of 55 masterpiece). *Fine Arts Journal. Visual Arts*. 2022, vol. 26, iss. 4 (February), pp. 35-45. (in Persian)
27. Razi, H. *Ancient Iran Encyclopaedia. Avestan era until the end of Sassanid era*. Five-volume collection. Tehran, Sokhan, 2003. (in Persian)
28. Frumkina, R.M. *Samosoznanie lingvistiki – vchera i zavtra* [Self-consciousness of linguistics – yesterday and tomorrow]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya: literatura i yazyk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language Series]. 1999, vol. 58, no. 4, pp. 28-38.
29. Arutyunova, N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Iazyki russkoi kultury, 1999. 896 p.
30. Houshangi, M, Ghobadi H., Fooladvand, H. A Comparative Review of the Allegorical Roles of Lion, Camel and Child in the Thoughts and Works of Rumi and Nietzsche. *Comparative Literature Research Journal*. 2014, vol. 2, iss. 2, pp. 243-270. (in Persian)
31. Ameri, J., Tabatabai, S.H. Vocabulary and terms of camel husbandry in "Troud" linguistic variety. *Popular culture and literature*. October and November 2016, Rank B (Ministry of Science), no. 16, pp. 217-242. (in Persian)
32. Hajian Nejad, A., Behzadian, S.M. An Analysis of the Function of Animal Symbols in Persian Proverbs Based on Bahmanyari Story Book. *Culture and Folk Literature*. 2020, vol. 8, iss. 31, pp. 122-156. (in Persian)